

РАЗДЕЛ 1. АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ С.Н. БУЛГАКОВА

Цвален Р. М.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПУТИ БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВА: НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И СЕРГЕЙ БУЛГАКОВ

«[Булгаков] шел в паре с Бердяевым в эти года», – пишет Андрей Белый о начале XX века в России, – «и они появлялись вместе; и вместе отстаивали свои лозунги; уже потом раскололись; обоих мы звали: «Будяевы» или «Бергаков»¹. Феномен «Бергаков» подробно рассматривается в сравнительном исследовании об антропологии Бердяева и Булгакова.² Данная статья представляет собой вырезку из главы этого исследования, посвященную истории их взаимоотношений.³

Но для чего, собственно, сравнивать Бердяева и Булгакова? Совместная публицистическая социально-политическая деятельность, схожие идейные положения, но, наряду с тем, большие различия привели к тому, что в рецепции или их одним махом ставят в один ряд друг с другом, или как философа персонализма (Бердяев) и теолога Софии (Булгаков) разводят по разным сторонам. Обе позиции должны быть в данном случае опровергнуты. По свидетельству жены Лидии, Бердяев сам в 1936 г. заговорил о «небольшом собрании для выяснения различия моего учения о человеке в связи с учением о. Булгакова о Софии»⁴. Но оно, кажется, так и не было реализовано. Именно решению этой задачи посвящено наше исследование.

Дружба Бердяева и Булгакова поддерживалась, как известно, несмотря на все споры и различия во мнениях. Об этом свидетельствует письмо Булгакова от 7 июня 1933 г., в котором он благодарит Бердяева за поздравления по случаю пятнадцатилетия со дня своего посвящения в духовный сан:

«Среди многих приветствий, мне большую и особую радость доставило Ваше, как радостью было 15 лет назад Ваше присутствие в Даниловском монастыре. Благодарю Вас и за Ваши дружеские строки, в которых слышатся мне как бы итоги нашего долгого совместного, никогда не сливавшегося, но всегда параллельного духовного пути. Но параллельные линии, не сливающиеся в Евклидовом пространстве,

¹ А. Белый. Начало века. Chicago 1966. С. 493.

² R.M. Zwahlen. Das revolutionäre Ebenbild Gottes. Anthropologien der Menschenwürde bei Nikolaj A. Berdjaev und Sergej N. Bulgakov. Münster, 2010 (Syneidos. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte. Bd. 5).

³ Целая глава на русском языке находится в ежегоднике 2009 г. «Исследования по истории русской мысли», Москва 2012. Автор благодарит Е.В. Павлову за перевод с немецкого языка.

⁴ Е.В. Бронникова. Лидия Бердяева. Профессия: Жена Философа. М., 2002. С. 137.

сливаются в за-Евклидовом пространстве, там, где «в доме Отца многие обители суть»».¹

Именно этот последний период в истории взаимоотношений, отразившийся также и в записях Бердяева и Булгакова, ранее не удостоивался внимания исследователей и представляет проблему в новом свете.

Довольно хорошо известно сотрудничество Бердяева и Булгакова в сборниках «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины», известно и сотрудничество в журналах «Освобождение», «Вопросы жизни», в «Религиозно-философских обществах» и в издательстве «Путь». Весьма убедительно натянутые отношения между нашими героями описала Зинаида Гиппиус: «Булгаков и Бердяев – это уже не вода и масло, а вода и огонь. Только совершенным невниманием к литературной личности обоих писателей можно объяснить то, что наша критика соединила их в неразлучную парочку каких-то Сиамских близнецов идеализма. [...] Кажется, что лучшее, что они могли бы сделать сейчас, – это вступить в открытый умственный поединок на жизнь и смерть: может быть, [...] от удара этих двух скрещенных шпаг зажглась бы искра того подлинного, религиозного огня, который так нужен обоим»².

1) Первая идейная разница: божество в человеке

При этом интересно сравнить рецензии, которые они писали друг о друге в 1907 году. В рецензии Бердяева на известную статью Булгакова о Карле Марксе раскрывается, прежде всего, разная интерпретация немецкого философа Фейербаха. Основным импульсом для обоих мыслителей является отрицание его концепции. Фейербах истолковывал Бога как человеческую проекцию, как «образ и подобие человека». Бердяев же полагал, что открытие божественного в человеке ещё не причина отрицания существования самого Бога. Похожая аргументация прослеживается и у Булгакова. Но он упрекает Бердяева в «мистическом фейербахизме», т.е. в имманентном обожествлении человека.³ В отличие от Бердяева Булгаков всегда следит за тем, дабы не отождествлять Бога и человека. Булгаков абсолютно отрицает Фейербаха, видит в Фейербахе источник атеистического духовного течения. Бердяев же говорит о нем как о мыслителе, который заново вдохновил религиозно-философскую мысль и заговорил о божественном в человеке.

Тесная совместная работа Булгакова и Бердяева в издательстве «Путь» привела вскоре к первому серьезному разногласию, которое для Бердяева стало поводом уйти из редакции в 1912 г.⁴ Ссора между Булгаковым и Бердяевым, казалось, была, прежде всего, идейного

¹ Н.А. Струве. Братство Святой Софии 1923-1939. М., Париж, 2000. С. 251.

² З. Гиппиус. Дневники. М., 1999. С. 316-318.

³ С.Н. Булгаков. Свет невечерний. М., 1999. С. 169-170 (Прим. 2).

⁴ См. Е. Голлербах. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910-1919). СПб., 2000.

характера, о чем свидетельствует переписка. Бердяев жаловался на московский провинциализм, в то время как Булгаков вместе с Трубецким и Морозовой зачастую называли его дилетантом.

2) Вторая идейная разница: человеческое творчество

Однако кажется, что Бердяев четко распознал причину расхождений в мировоззрении: разное понимание человеческого творчества, которое, прежде всего, должно было проявиться в бердяевском «Смысле творчества» (1916) и булгаковском «Свете невечернем» (1917).¹ Из заметок по теме «творчество» обоих мыслителей видно, что перелом в отношениях носил исключительно идейный характер, при этом взгляды на ранее общее дело – (бого-)человеческое изменение и сотворение мира – диаметрально расходились. В длинной статье о «Возрождении православия», которую в 1916 г. опубликовал Бердяев, и была кульминация бердяевского отчуждения от Булгакова в форме явного сопротивления: «Невозможность имманентно, внутри освятить жизнь и творчество в мире ведет к пассивному принятию мира, к смирению перед миропорядком, таким, каким он дан, к освящению авторитарной общественности. Такое отношение к жизни подрезывает крылья, лишает творческой энергии. [...] Булгаков не любит человека, и ему ничего не открывается в человеке»². Между строк Бердяев заключил свое собственное, противоположное мировоззрение, что в большей степени позволяет распознать основу задачи обоих мыслителей как «*tertium comparationis*»: поиск творческих возможностей человека в этом мире.

При других обстоятельствах подобные разногласия привели бы к окончательному расхождению путей Бердяева и Булгакова. Но в эти годы все защитники духовной культуры оказались впоследствии в одной лодке, на так называемом «пароходе философов», который отправил их в эмиграцию³.

3) Новая общая задача: Творческое оцерковление и экуменизм

В Праге русские мыслители преследовали одну общую цель: намерение усилить религиозное мышление, прежде всего, у молодого поколения, которое росло и воспитывалось за пределами России, но, возможно, в будущем намеревалось вернуться; и при этом сохранить русскую православную традицию⁴. Они занимались этим в рамках деятельности Русского христианского студенческого движения (РХСД) и «Братства святой Софии». Последнее стало местом встречи профессоров, руководящих студенческими движениями. Председателем Братства был Булгаков, Бердяев стал его членом⁵. Братство наметило себе следующие

¹ В.И. Кейдан. Взыскующие града. С. 453, 472.

² Там же. С. 186-187, 192.

³ См. также: Л.А. Коган. «Выслать за границу безжалостно» // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 61-84; L. Chamberlain. The Philosophy Steamer. London 2006.

⁴ Н.А. Бердяев. Значение Русского Христианского Движения // Вестник РХД. 1993. Т. II-III, № 168.

⁵ Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 6-7.

цели: «творческое оцерковление» культуры и общества, что предполагало и церковную реформу; примирение образованных слоев общества с церковью; открытие русской православной церкви для вселенского идеала Царства Божьего¹. В этой открытости по отношению к Западной церкви была главная причина спора между Братством святой Софии и движением евразийцев. Схожие задачи Бердяев и Булгаков формулируют в высказываниях, почти дословно перекликающихся друг с другом. Именно тема «Творчество», из-за которой десять лет назад разразился спор, снова стала общей целью, о чем свидетельствует последующее письмо Булгакова к Бердяеву: «Я горячо приветствую ту решительность и остроту, с которой Вы обнажили вопрос о творческом начале в церковной жизни и в нашем братстве»².

В Париже установилась тесная связь между Религиозно-философской академией Бердяева³ и Свято-Сергиевским богословским Институтом⁴. Оба мыслителя, кажется, нашли свою нишу в экуменическом движении во время между Первой и Второй мировыми войнами,⁵ в чем их деятельность по антропологическому новообразованию христианской мысли скорее дополняла себя, нежели себе противоборствовала. Это проявится также и в отношении к публикациям друг друга, что будет рассмотрено в последующем.

4) Антропология и космология

В 1929 г. Бердяев пишет рецензию на вышедшую в том же году книгу Булгакова «Лествица Иаковля. Об ангелах», заключительную часть трилогии о софиологии. Бердяев еще раз указывает на различие между двумя новыми ведущими течениями русской религиозной мысли: космологией и антропологией. Новизна же заключается в том, что антропология, ведущим представителем которой он видит себя самого, более не имеет однозначного преимущества перед космологией. Антропология и космология, по мнению Бердяева, есть два соразмерных «творческих» и пророческих образа мышления, которым следует дополнять друг друга. Булгакова он считает скорее последователем космологии, которая коренится в восточной церкви. На Западе свершилась «нейтрализация космоса», которая привела к субъективному идеализму, с одной стороны, и к материалистскому натурализму, с другой. О том же самом – о «возврате к священному, божественному космосу», о восстановлении «лестницы Иаковля» между небом и землей – говорит,

¹ Н.А. Бердяев. Значение РХД. С. 51.

² 18. 4. 1924, Praha. РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496, Ед. хр. 371. Л. 1-4 об. Автор благодарит Е.В. Бронникову за доступ к документам.

³ О деятельности Булгакова в Религиозно-философской академии Бердяева см.: M. Beysac. La vie culturelle de l'émigration russe.

⁴ N.A. Struve. Soixante-dix ans d'émigration russe. Paris 1996. P. 81-82. M. Raëff. Russia Abroad. P. 127-128.

⁵ A. Arjakovsky. La génération des penseurs religieux de l'émigration Russe: la revue La Voie (Put'), 1925–1940. Kiev 2002. P. 169.

согласно Бердяеву, учение Булгакова о Софии. При всем своем восхищении «дерзновением творческой мысли» Булгакова Бердяев все же указывает на опасности, таящиеся в софиологии. Это, во-первых, «ослабленное сознание проблем свободы и творческой активности человека». Главным отличием между своим и булгаковским образами мышления Бердяев называет понимание «свободы»: у Булгакова возможно только «рождение», а не свободное творчество абсолютно нового. В целом у Бердяева складывается впечатление, «что творческая мысль о. Сергия Булгакова не может вполне развернуться, она бьется в тисках богословского законничества»¹.

Булгаков в письме благодарит Бердяева за эту «интересную и сочувственную» рецензию и называет ее «в ... жизни [обоих] еще одной дружеской встречей». Но он добавляет: «Вы знаете, с чем я в ней не соглашаюсь», и спрашивает Бердяева, что тот подразумевает под «тисками законничества»². Последний отвечает, что написал эту рецензию «в страхе» навредить Булгакову: «Я очень чувствую, что Ваше положение в мире «духовном», богословском уникально, нет ни одного человека Вам сочувствующего, полное одиночество»³.

В письме от 29 октября 1931 г. Булгаков поздравляет Бердяева по случаю выхода книги «О назначении человека». Книга, по словам Булгакова, свидетельствует о настоящем «движении христианского духа». Наименее всего его убеждает, как и прежде, бердяевская «ничто-логия»⁴. Действительно, Бердяев пытался в этой новой книге сформулировать новый взгляд на мир и привлечь форму «космической этики» в свою антропологию, источником вдохновения которой кажется софиология Булгакова. Осознание того, что космодицея и антроподицея не противоборствуют друг другу, а являются взаимным дополнением, выражается и в письме Булгакова к Фрицу Либу, в котором он считает важным противопоставить «нашу софиологию и космо- и антроподицею против трансцендентизма и антиантропологии современной немецкой теологии»⁵.

Бердяев комментирует вышедшую в свет книгу Булгакова «Агнец Божий»: «Это замечательная книга в русском богословии, в ней увенчание идеи Богочеловечества. Многое мне близко, т.к. подымает человека из унижения. Более всего ценю, что в книге чувствуется большая свобода, нет рабства и боязни, которые часто болезненно поражают в богословских книгах...»⁶. По мнению Бердяева, таким образом, Булгаков наконец-то покинул «тиски законничества».

¹ Н.А. Бердяев. О софиологии // Путь. 1929. № 16. С. 95-99.

² Прот. С. Булгаков – Н.А. Бердяеву от 12.05.1929 // Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 246.

³ Н.А. Бердяев – прот. С. Булгакову в мае 1929 г. // Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 247.

⁴ РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496. Оп. 1. Ед. хр. 371. Л. 12 и об.

⁵ В. Янцен. Письма русских мыслителей. С. 405.

⁶ РГАЛИ, Москва. Фонд Бердяева 1496. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 1-2.

В том же самом 1934 г. Булгаков отзывается на книгу Бердяева «Я и мир объектов». Он также хвалит обновленное остроумие Бердяева и продолжение темы богочеловека. Булгаков соглашается с Бердяевым «вообще во всех существенных мыслях». Кроме того, в данном случае Булгаков отвечает на упрек в «непреодоленном метафизическом натурализме» – он критикует «акосмизм или даже антикосмизм «духа»» Бердяева. Булгаков заканчивает следующими словами: «Не примите этих замечаний за выражение несочувствия тому основному пути антропологизма, т.е. Богочеловечества, который нас соединяет»¹.

Удивительную духовную близость к Бердяеву Булгаков констатирует в письме от 1938 г. ко Льву Шестову, в котором поздравляет Льва Исааковича с рецензией на Бердяева²: «Само собой разумеется, что не существует большой противоположности – как – между философией – положительного ничто – «свободы-противобога» у Н.А. и моей софиологией, как философией бытия (оказывается тоже – «экзистенциальной философией [...]»)³. Правда, Бердяев в книге «Русская идея» (1946 г.) резко опровергает, что мышление Булгакова есть экзистенциальная философия. Несмотря на все критические замечания Бердяев в противовес своей известной рецензии от 1916 г. заявляет, что истинное зерно булгаковской мысли следует искать в вере в божественный принцип, заложенный в человеке, и что Булгаков остался верен основной русской идее – идее Богочеловечества. Софиология, по мнению Бердяева, отрицает абсолютное разделение Творца от его творения. При этом софиология, по его словам, (слишком) оптимистичная система, которая не в состоянии решить проблему зла и свободы. Она противоречит эсхатологической перспективе, и остается неясным, признает ли Булгаков возможность нового, третьего откровения. Несмотря на это, Бердяев говорит о догматической личности Булгакова, при этом хвалит его мыслительную подвижность и его постоянное стремление к новому, к царству духа – что опять-таки, в устах Бердяева, звучит как огромный комплимент⁴.

Отправной точкой в размышлениях обоих спутников остается человек как наивысшая ценность, а также вопрос, каким образом он должен следовать своему божественному призванию к творческой жизни.

Возобновившееся участие в судьбах и мыслях друг друга проявилось, когда учение о Софии Булгакова московский митрополит Сергей объявил ересью, упрекнув вместе с тем софиологию в антропоцентризме. В ответ на этот упрек Бердяев в статье под заглавием «Дух великаго инквизитора» будет открыто защищать своего друга.⁵ В

¹ Прот. С. Булгаков – Н.А. Бердяеву от 13.06.1934 г. // Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 252-254.

² Л. Шестов. Николай Бердяев // Современные записки. 1938. № 67.

³ Из переписки Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и Л.И. Шестова // Мосты. 1961. № 8. С. 259.

⁴ Н.А. Бердяев. Русская идея. Париж, 1946. С. 240-242.

⁵ Н.А. Бердяев. Дух великаго инквизитора // Путь. 1935. № 49. С. 72-81.

письме от 22 января Булгаков благодарит Бердяева за поддержку: «Приветствую Ваше выступление в защиту духовной свободы, которое в данном частном случае оказывается выступлением и по моему личному делу. Борьба с обскурантским насильничеством есть для нас сейчас общий фронт, пред которым получают второстепенное значение наши расхождения или различия в тональностях»¹.

5) *Основная разница: Абсолютная или данная свобода*

В последние годы жизни Бердяева и Булгакова свидетельств их личных контактов крайне мало. Бердяев рассказывает, что встречал Булгакова редко и полагал, «что если бы мы встречались чаще, то разошлись бы гораздо больше»².

15 июля 1943 г., за год до смерти Булгакова, Лидия Бердяева цитирует своего мужа: «Из людей, с которыми я был связан в прошлом (С. Булгаков, П. Струве), только во мне остались еще какие-то элементы марксизма. У них они окончательно исчезли. Я же по природе своей — революционер³». Это заключение основывается на том, что Бердяев все еще видел в марксизме положительную революционную сторону. И это несмотря на то, что ранее вместе с Булгаковым он доказывал, что «революционность» социального движения, т.е. способность изменить жизнь или вообще что-то, обосновывается не марксистским историзмом, а только христианским образом человека. В этом смысле отход Булгакова от марксизма не был отказом от «революционного духа».

В этой тональности и заключается основное различие между бердяевским и булгаковским образом человека-революционера-творца.

У Бердяева человек наделен творческой задачей *помочь* Богу, защитить богочеловеческое достоинство от иррациональных, злых сил свободы. Человек, по мысли этого философа, трудится, чтобы наконец быть избавленным от этого мира: «Основное противоречие моей жизни всегда вновь себя обнаруживает. Я активен, способен к идейной борьбе и в то же время тоскую ужасно и мечтаю об ином, о совсем ином мире»⁴.

Человеческое достоинство по Булгакову состоит в «данной ему» человеческой, относительной свободе, чей трагизм разделяется Богом, и за счет этого возможно искупление. Человек избавлен, дабы на земле он мог сам творить, развивать свою божественную сущность: «То, что совершает человек на земле, всегда останется малым и недостаточным для него самого. Оно не должно давать места горделивому самодовольству. Однако и при этом может оставаться сознание ответственно исполняемого, хотя до конца и не исполненного долга. Поэтому человек должен и сам уважать свое собственное делание, если сам Бог к нему призывает, наделяя

¹ Н. Струве. Братство Святой Софии. С. 261.

² Н.А. Бердяев. Самопознание. С. 285.

³ Е. В. Бронникова. Лидия Бердяева. С. 203.

⁴ Н.А. Бердяев. Самопознание. С. 350.

талантом всякого в его собственной мере. И совершаемое творческим усилием каждого дня трудового, как и всей жизни, в конце ее приносит человек на суд Богу, говоря: «Господи, этот талант дал Ты мне, а вот другие таланты я приобрел на них» (Мт. 25, 20-30) »¹.

Трагический опыт, когда созданный продукт никогда полностью не отвечает изначальному замыслу, Бердяев интерпретировал как преобладание зла в этом мире. Булгаков же рассматривал его как знак тому, что один человек способен на многое, но не на все и нуждается в диалоге и в сотрудничестве с Творцом и собратьями.

Поразительной чертой на совместном пути Бердяева и Булгакова является честность, при помощи которой оба мыслителя всегда пытались использовать свои знания в действии и осуществить «творческий посыл» человека, в который они верили, считая себя прообразами Бога. Они были убеждены, что существует духовный мир, обосновывающий достоинство человека и делающий возможной «революцию» общественной системы ценностей, тогда как слишком часто другие ценности (капитал, равенство, нация, традиция) подавляют человека и его творческую сущность. Бердяев искал эту духовную сферу за пределами этого мира, Булгаков же – внутри его. Отправной же точкой остался для них «этот мир», в котором оба мыслителя оставили неизгладимый след.

Борисова Т.В.
**СУБЪЕКТИВИЗМ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
С.БУЛГАКОВА КАК ПРОБЛЕМА**

Кто следит за настроениями современного общества, кто размышляет над господствующими идеями, тот не может не обратить своего внимания на тот момент, что довольно часто сегодня обращаются к анализу традиций славянофилов. Делается это по ряду различных причин, среди которых наблюдается и та, что ставит вопрос о нравственных основах культурно-исторического наследия представителей славянофильства. Большой интерес проявляется к попытке рассмотреть это философско-богословское течение в контексте трансформаций основоположений нравственности в рамках православной культуры мышления.

В темах диссертационных работ, что выносятся на защиту сегодня, как правило, речь идет о принципах нравственности, взятых в рамках православной культуры мышления. Однако резонно возникает вопрос: позволительно ли серьезно говорить о проблеме нравственности в истории русской религиозной философии без опоры на фундамент самой

¹ С.Н. Булгаков. Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко (1941) // С.Н. Булгаков. Слова, поучения, беседы. Париж, 1987. С. 159-160.